

Последствия реализации международных спортивных событий для экономики: зарубежный опыт

Поспелова Е. А.^{1, *}, Казакова М. В.^{1,2}

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация; *pospelova@iep.ru

²Институт экономической политики имени Е. Т. Гайдара, Москва, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

В академическом и экспертном сообществах до сих пор открытым остается вопрос, насколько спортивные мегасобытия способствуют росту экономики принимающей страны. Подготовка к ним требует колоссальных затрат на строительство и модернизацию инфраструктуры, расширение торговли и развитие туризма. В теории это может показаться благодатной почвой для экономического роста и высоких инвестиционных показателей. Однако на практике крупные спортивные события, как правило, приводят к перерасходу бюджета и огромному росту долга страны; инвестиционные стратегии редко бывают успешными, а финансовые ожидания от таких мероприятий оказываются завышенными. Настоящая статья посвящена сравнительному анализу зарубежного и российского опыта реализации спортивных мегасобытий и позволяет систематизировать эффекты от таких событий для социально-экономического развития страны.

Ключевые слова: крупное спортивное событие, мегасобытие, региональное развитие, долгосрочный экономический рост, инфраструктура, туризм, коррупция, инвестиции

Для цитирования: Поспелова Е. А., Казакова М. В. Последствия реализации международных спортивных событий для экономики: зарубежный опыт // Управленческое консультирование. 2019. № 9. С. 43–54.

Impact of International Sporting Events on the Economy: Foreign Experience

Ekaterina A. Pospelova^{a, *}, Maria V. Kazakova^b

^aRussian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation; *pospelova@iep.ru

^bGaidar Institute for Economic Policy, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The contribution of sporting mega-events to the growth of the host economy remains an open question in the academic and expert communities. Their preparation requires enormous investments in the construction and modernization of infrastructure, as well as trade development and tourism expansion. Theoretically, this may seem to be fertile ground for economic growth and high investment performance. However, in practice, major sporting events, as a rule, induce budget overruns and huge debt of the host country; investment strategies are rarely successful; and financial expectations from such events are overestimated. This article is devoted to the comparative analysis of foreign and Russian experience in the implementation of sports mega-events. This research helps to systematize the effects of such events for the socio-economic development of the country.

Keywords: major sporting event, mega-event, regional development, long-term economic growth, infrastructure, tourism, corruption, investment

For citing: Pospelova E. A., Kazakova M. V. Impact of International Sporting Events on the Economy: Foreign Experience // Administrative consulting. 2019. N 9. P. 43–54.

Введение

Интерес к исследованию влияния крупных спортивных событий, или мегасобытий на развитие городов в российской экономической науке спровоцирован проведением Олимпиады-2014 в Сочи и Чемпионата мира по футболу в 2018 г. Мегасобытия, привлекая большое количество посетителей, оказывают большое влияние на экономическую динамику города, региона и страны в целом. Это влияние обусловлено необходимостью строительства новых стадионов или восстановления старых, созданием необходимой транспортной, социальной инфраструктуры, что сопряжено с большими затратами и изменением городской среды. Реализация мегасобытия требует от принимающей стороны пересмотра правового поля, существующих долгосрочных градостроительных планов, масштабного финансирования, что создает дополнительную нагрузку на бюджеты и влияет на социальные настроения в обществе в преддверии проведения крупных спортивных мероприятий.

Мегасобытия не только инициируют строительство новых спортивных объектов и транспортных линий, но и реконфигурируют механизмы городского управления и планы стратегического развития, воздействуя на города (и жителей) в целом. Для многих городов проведение мегамероприятия стало импульсом для городского развития. Как подчеркивается в литературе, капитальные затраты на материальные вмешательства в городе — модернизацию или строительство новых спортивных объектов, дорог, железнодорожных линий, аэропортов, конференц-центров, систем безопасности и отелей — в несколько раз превышают эксплуатационные расходы на проведение самого мероприятия [16, 20].

1. Мегасобытия и города: необходимость в сравнительных исследованиях

Хотя первые исследования городского измерения мегасобытий датируются началом 1990-х годов [24], мегасобытия стали более распространенными только с конца 1990-х. Предметом большинства исследований были летние Олимпийские игры, которые представляли собой единственное наиболее трансформирующее и сложное мероприятие, сосредоточенное в одном городе [20, 43].

Ориентация только на один формат мегасобытий ограничивает эмпирические исследования и делает невозможной фиксацию глобальных эффектов, а также оценку последствий мегасобытий в разных странах и городах на систематической основе. Дальнейшее развитие сравнительных исследований создает более системную картину последствий мегасобытий в различных по уровню экономического развития странах. Кроме того, такой анализ позволит сделать выводы о кумулятивном эффекте от реализации мегасобытия в городе [3, 14].

В продвижении мегасобытий заинтересованы не только органы управления мегасобытиями, но также местные, региональные и национальные элиты, аккумулирующие и распределяющие ресурсы, крупные корпорации, принимающие участие в тендерах. Поэтому политическая элита всех уровней всегда заинтересована в положительном образе мегасобытия [7].

Вслед за организаторами мероприятий, представителями политической элиты разных уровней, подрядчиков смысловые инвестиции в мегасобытия стали вкладывать те, кто напрямую не заинтересован в мегасобытии: исследователи, представители различных фондов, которые в своих исследованиях, отчетах, повседневной риторике подчеркивают положительное влияние мегасобытий на динамику человеческого развития. Ученые также усилили утверждения о каталитической функции мегасобытий для городского развития, сославшись на такие выгоды, как экономический рост, инфраструктурное обеспечение, повышение качества жизни и улучшение имиджа [30, 44].

Но есть и еще одна, более проблемная сторона мегасобытий. Вместо того чтобы служить катализатором строительства инфраструктуры или экономическим благом, реализация мегасобытий часто приводит к чрезмерному увеличению выгод заинтересованных сторон и недооценке затрат, неравному распределению ресурсов, нарушению прав граждан во время реализации мегасобытия и пересмотру приоритетов городского развития для удовлетворения краткосрочных потребностей [39, 58].

2. Воздействие мегасобытий на уровень предпринимательского урбанизма

Мегасобытия для многих предпринимателей являются возможностью для расширения продаж. Многие компании, в том числе и финансовые, рассматривают мегасобытия как конкурентное преимущество в борьбе за ограниченное финансирование, инвестиции и продвижение собственного бренда [10]. Мегасобытия могут стимулировать деловую активность, ускорить политику приватизации, сокращая присутствие государства в экономике в пользу городского предпринимательства [32]. Особенно такие процессы были заметны в Рио-де-Жанейро, где проходили Панамериканские игры 2007 г., Чемпионат мира по футболу 2014 г., Олимпийские игры 2016 г.

В преддверии реализации мегасобытий в Канаде (Ванкувер), Великобритании (Лондон) и Южной Африке был улучшен деловой климат путем снижения нагрузки на предпринимателей. В Ванкувере и Лондоне было распространено государственно-частное партнерство как форма взаимодействия государства с бизнесом в целях распределения бюджетных средств между компаниями, обслуживающими мегасобытия [48]. В Южной Африке при подготовке Чемпионата мира по футболу поощрялись предпринимательская инициатива, проводилась ускоренная приватизация и улучшение делового климата в принимающих городах страны [51]. Исключением стала Россия, где при реализации мегасобытий планирование было централизованным, а стимулирование деловой активности и приватизация не были в приоритетах государства в преддверии мегасобытий [37]. Большая часть расходов на подготовку к мундиалу осуществлялась за счет федерального бюджета [38]: так, доля федеральных инвестиций составила 58%, региональных бюджетов — 29%, а частных компаний — всего лишь 14%.

Влияние мегасобытия на долгосрочное развитие зависит во многом от уровня развития рыночной экономики, способа планирования, демократичности политического управления, что проявляется в доступе общественности к процессу принятия решений и контроле за расходованием средств. Важным фактором эффективности является степень развития деловой среды и предпринимательской активности. Мегасобытия призваны стимулировать предпринимательскую активность, однако, эффективность мегасобытия зависит от контекста [23].

3. Финансовые риски мегасобытий

Мегасобытия по своей сути являются финансово рискованными мероприятиями в силу высокой вероятности перерасхода средств [27]. Несмотря на преобладание в большинстве случаев неолиберальной политики и предпринимательской риторики, большая часть ответственности за финансовые риски лежала на компаниях, которые инвестировали в мегасобытия, либо оплачивая расходы напрямую, либо страхуя риски для проектов. Практически во всех проектах по подготовке к мегасобытиям фиксировался большой перерасход средств. Возможно, самым известным случаем стал Чемпионат мира по футболу в Южной Африке, где стадионы стоили в 10 раз дороже, чем предполагалось изначально [52, с. 87]; перерасход также отмечался при подготовке Олимпийских игр в Ванкувере и Лондоне [16], Сочи [38] и Рио при проведении Чемпионата мира по футболу 2014 г. [19].

В тех случаях, когда частные инвесторы отвечали за выполнение части требований к мегасобытию, государственное финансирование привлекалось при возникновении необходимости помощи обанкротившимся инвесторам или взятия части риска частных инвесторов, например, путем совершения значительных предварительных инвестиций в инфраструктуру [50]. Финансовые исключения связаны с чрезмерным перерасходом мегасобытий. В среднем мегасобытия превышают их первоначальный бюджет на 179%, опережая среднее превышение на 27% для крупномасштабных транспортных проектов [16]. Поскольку основная часть средств поступает от государства, то общественность также несет риски, связанные с перерасходом средств (средства налогоплательщиков).

С одной стороны, от мегасобытий выигрывают местные элиты, аккумулирующие и перераспределяющие средства, подрядчики, получающие прибыль. С другой стороны, масштабные затраты осуществляются за счет средств налогоплательщиков, которые могли бы быть израсходованы на другие социальные объекты, которые были бы более эффективны для социального развития [10]. События превращаются главным образом в источники для извлечения ренты, а не в проекты, которые приносят пользу местному населению, поддерживают долгосрочное развитие городов или стимулируют экономический рост [31].

4. Влияние мегасобытий на правовое поле

Мегасобытия создают исключительное состояние, при котором регулярное планирование, фискальные и юридические правила не могут быть применены, а приоритет имеют требования к проведению мероприятия. Другими словами, необходимость реализации мегасобытия выходит за рамки обычных правовых процедур¹. Ослабление существующих правил и процедур посредством юридического изъятия облегчает спекуляцию и перерасход средств, которые являются необходимыми для финансового контроля. Для некоторых стран подготовка правового поля является определяющим этапом реализации мегасобытия [12, 46]. Самая серьезная подготовка правового поля проходила в России и Бразилии. Страны, принимающие мегасобытия, должны выполнить обширные требования МОК и FIFA, которые предусматривают специальное законодательство в таких областях, как защита бренда, права на маркетинг, безопасность, трудовые отношения, возмещение убытков и налогообложение.

Однако Россия пошла даже дальше требований МОК. Например, был принят «олимпийский» закон², который разрешал строительство рекреационной инфраструктуры на охраняемых территориях и облегчал изъятие таких территорий для олимпийского строительства [39]. Бразилия в рамках подготовки к Чемпионату мира по футболу 2014 г. создала особые условия, предусматривающие долговое финансирование при строительстве инфраструктуры и щедрые корпоративные налоговые льготы. Южная Африка и Великобритания также внесли существенные изменения в законодательные положения, но не такие масштабные, какие имели место в России и Бразилии [26, 53].

В Канаде правовые исключения были оспорены и изменены. Это произошло с принятым в 2009 г. общим законом об Олимпийских играх, который должен был ограничить свободу выражения мнений и предоставить беспрецедентные полно-

¹ Казьмин Д., Мокроусова И., Твокайло М. В какую цену обойдется России чемпионат мира по футболу 2018 // Ведомости. 18.02.2013 [Электронный ресурс]. URL: https://www.vedomosti.ru/library/articles/2013/02/18/chm2018_schet_otkryt (дата обращения: 26.03.2019).

² Федеральный закон от 1 декабря 2007 г. 310-ФЗ «Об организации и о проведении XXII Олимпийских зимних игр и XI Параолимпийских зимних игр 2014 года в городе Сочи, развитии города Сочи как горноклиматического курорта и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

мочия сотрудникам полиции и служб безопасности. Неправительственная организация (НПО) оспорила этот устав, добившись того, что законодатели устранили большую часть нарушений гражданских прав, которые содержались в предыдущей версии, и сделали почти все меры временными [28].

5. Влияние мегасобытий на гражданский интерес

Мегасобытия, как правило, затрагивают жизнь всего города, поэтому принципиальным вопросом при планировании и градостроительстве в преддверии проведения мундиалей является привлечение общественности. Однако только в одном случае — в Ванкувере — был проведен плебисцит о целесообразности реализации мегасобытия. В 2003 г. жители этого города проголосовали (64%) за проведение Зимних игр 2010 г. [55]. Ванкувер также разработал законодательные положения об участии коренных жителей в планировании и проведении Игр [49] и провел публичные слушания по планированию некоторых объектов.

В Великобритании не было референдума, но общественность привлекалась для обсуждения планов по изменению города для проведения мундиала [40]. В других случаях формальное участие общественности было крайне ограниченным или вообще отсутствовало. В Южной Африке Чемпионат мира по футболу лишил граждан прав участия на местном уровне, что было предусмотрено законодательно в ходе предыдущих реформ планирования, и передал полномочия по принятию решений на более высокие уровни управления [22]. Схожая ситуация была в Сочи, где решения по планированию принимались централизованно в обход местной элиты [37]. В Бразилии в преддверии Чемпионата мира 2014 г. не было никакого конструктивного диалога с организаторами мероприятий и гражданским обществом [19].

Аналогичному вопросу посвящена работа [35], в которой авторами анализируется, как два масштабных спортивных мероприятия в России формируют региональную идентичность и бренды, а также стимулируют различные социальные и административные эффекты в городской среде. Этими двумя мегасобытиями являются Универсиада в Казани в 2013 г. и Чемпионат мира по футболу, прошедший в 2018 г. в 11 городах России, из которых авторы рассматривают Нижний Новгород.

6. Переселение граждан как сопутствующий фактор мегасобытий

Исследователи начали фиксировать масштабное переселение местных жителей в города, принимающих мегасобытия, с 1988 г., фактически с этого периода переселение стало обязательным сопутствующим мероприятием в рамках подготовки [34]. Причем переселение может осуществляться как в принудительном порядке, в результате экспроприации, так и рыночным путем — предоставляя альтернативу или денежную компенсацию. Особенно насильственное переселение было характерно для Бразилии. В одном из исследований в Рио-де-Жанейро утверждается, что в течение периода 2009–2015 гг. в городе Рио-де-Жанейро было выселено 22 059 семей (приблизительно 77 000 человек) [13].

В Южной Африке в рамках подготовки к Чемпионату мира были снесены неформальные поселения в нескольких принимающих городах и начались обширные процессы модернизации в результате инициатив по благоустройству [33]. В рамках подготовки к зимним Олимпийским играм в Сочи было переселено около 800 человек для строительства прибрежного кластера объектов, что вызвало обширные споры об адекватной компенсации [57]. В Лондоне несколько сотен домохозяйств подверглись принудительному переселению в рамках мероприятий по подготовке к Олимпийским играм [56]. Также были ликвидированы несколько сотен малых

предприятий, прежде работавших на территории Олимпийской деревни [45]. При этом и в Ванкувере, и в Лондоне переселения привели к дополнительному давлению на рынок недвижимости и росту арендной платы на территориях, подвергнувшихся реконструкции [56].

7. Влияние мегасобытий на имидж страны в целом

Мегасобытия являются сильным механизмом для формирования имиджа принимающей страны на международной арене. В рамках этой парадигмы события приобретают центральное значение для маркетинга мест и брендинга [8]. Реализация мегасобытий имеет большое символическое значение для развивающихся стран, которые стремятся войти в клуб ведущих мировых держав [15, 54], поскольку они имеют сильный имиджевый эффект как для страны в целом, так и для отдельных принимающих мегасобытие городов. Особенно заметный акцент на имиджевом эффекте делала Россия во время проведения Олимпийских игр в Сочи в 2014 г. [37, 41].

Важность имиджа и брендинга, пожалуй, наиболее очевидна на Олимпийских играх в Рио, для которых организаторы и городские чиновники предпринимали большие усилия по улучшению имиджа не только Рио, но Бразилии в целом, за чем был очевиден политический мотив руководства страны получить постоянное место в СБ ООН. Правительства России и Южной Африки также уделяли большое внимание возможностям этих мероприятий по укреплению международной репутации не только отдельных городов, но и страны в целом как современной, технологически развитой и открытой для бизнеса.

В Южной Африке футуристические арены должны были «продемонстрировать технические возможности и навыки управления проектами и захватить воображение мира, создать бренд Южная Африка» (цитата из [2]). Канада и Великобритания при позиционировании места реализации мегасобытия акцент делали не на страну, а на город — Лондон и Ванкувер. Например, в Ванкувере визуальные изображения были тщательно продуманы, чтобы воплотить «первозданную городскую природу, мультикультурную социальную гармонию и яркие местные виды спорта» [36]. Ванкувер позиционировался как комфортный город для отдыха и ведения бизнеса.

8. Инвестиции в инфраструктуру

Подготовка к мегасобытию требует от принимающей стороны масштабных капитальных затрат на строительство спортивных объектов и инфраструктуры; эти затраты могут составлять десятки миллиардов долларов [16]. В некоторых случаях принимающая сторона строит новые зоны или даже города специально для проведения мероприятия. Например, при подготовке к Олимпиаде в Сочи российское правительство инвестировало несколько десятков миллиардов долларов в дорожную, железнодорожную и энергетическую инфраструктуру. Вокруг зимнего спортивного курорта в горах вырос целый новый город [38].

Подготовка к Олимпийским играм 2016 г. в Рио-де-Жанейро также способствовала глубокой трансформации городской среды, которая вышла далеко за пределы спортивной инфраструктуры. Это привело к строительству четырех новых автобусных скоростных линий общественного транспорта, строительству двух новых олимпийских парков, расширению линии метро, обширному строительству офисов и элитных квартир и сносу нескольких районов фавел (неформальных поселений) для строительства олимпийской инфраструктуры [6].

В Ванкувере и Лондоне материальные преобразования были не столь заметными, хотя и более локализованными, чем в Сочи и Рио, где они охватывали весь город. Наиболее заметным проектом в Лондоне было создание Олимпийского

парка в Стратфорде [1]. В Ванкувере капитальные инвестиции были более рас-средоточены по территории, но меньше по масштабу. Они включали в себя строительство Олимпийской деревни в центре города, организацию железнодорожно-го сообщения с аэропортом, а также сооружение нескольких новых площадок по всему городу и близлежащем Уистлере [55].

Что касается Чемпионатов мира по футболу, то, как правило, они охватывают несколько крупных городов принимающей стороны, инфраструктура которых уже сформирована и не требует грандиозного вмешательства, как для Олимпийских игр. Поэтому масштабы затрат на подготовку к Чемпионатам мира в Южной Африке и Бразилии не сопоставимы с подготовкой к Олимпийским играм.

Как правило, планирование проведения мегамероприятия включает не только строительство спортивных объектов, но также городское благоустройство и строительство необходимой инфраструктуры. Однако проекты долгосрочного городского и регионального развития часто откладываются, поскольку приоритеты мероприятия перенаправляются на спортивные объекты. Практически всегда первоначальная оценка расходов оказывается заниженной, поэтому ввиду ограниченности ресурсов, средств хватает лишь на строительство спортивных объектов и транспортную инфраструктуру, рассчитанную на перевозку болельщиков [16].

9. Мегасобытие как катализатор культурного, социального, экономического развития

Для принимающих городов реализация мегасобытия является катализатором их культурного, социального, экономического развития. Так, мегасобытия позволяют привлечь дополнительное финансирование для уже существующих градостроительных планов, помимо финансирования новых спортивных объектов, рассчитанных непосредственно под мундиаль. Однако некоторые исследователи обнаружили, что мегасобытия действуют не столько как стимул для реализации уже существующих планов, сколько как катализатор политического продвижения новых проектов [29].

Так, в Лондоне благодаря Олимпийским играм были реконструированы районы в Восточном Лондоне, а также была реконструирована долина реки Ли [42]. В Ванкувере мегасобытие ускорило организацию железнодорожного сообщения между аэропортом и центром города, обустройство важной автомагистрали между Ванкувером и горами, и строительство конференц-центра [55]. В Сочи также использовались Олимпийские игры, чтобы обеспечить реализацию комплексной федеральной целевой программы по модернизации инфраструктуры в районе, которую правительство разработало еще задолго до подготовки к Олимпийским играм [38].

Обратная ситуация имела место в случае с Чемпионатом мира по футболу в Южной Африке, где правительство дало обещание повысить уровень благосостояния бедных слоев населения. Между тем, все инвестиции направлялись на строительство стадионов в обход реализации социальных программ [33].

10. Влияние мегасобытий на изменение городской среды

Мегасобытия используются принимающей стороной в качестве дополнительной возможности привлечения финансирования к изменению существующей городской среды, особенно в неблагополучных районах. Более того, Международный олимпийский комитет напрямую рекомендует использовать Олимпийские игры в целях перепланировки и восстановления существующих районов. «Игры могут стать катализатором строительства новых городских районов на промышленных пустырях, заброшенных доках или заброшенных железнодорожных станциях» [25, с. 40]. По-

этому главной мотивацией участия в мегасобытиях для местных властей является возможность проведения перепланировки городской среды. Например, Рио-де-Жанейро проводил масштабную кампанию по расселению фавел в целях подготовки к проведению Чемпионата мира по футболу и Олимпийских игр [17]. Также был запущен крупнейший в истории города проект реконструкции исторической портовой зоны [46].

11. Использование инфраструктуры после мероприятий

МОК и FIFA обязывают принимающую сторону обеспечить определенные мощности инфраструктуры: пропускная способность общественного транспорта, аэропорта, номерной фонд гостиниц. Это обусловлено тем, что во время проведения мундиаля искусственно создается нагрузка на транспортную и социальную инфраструктуру за счет большого потока посетителей. Фактически же инфраструктура, построенная к мегасобытиям, становится убыточной. Стадионы слишком велики для покрытия повседневных потребностей, а эксплуатационные издержки масштабны, особенно с учетом того, что спортивные объекты остаются на балансе местных бюджетов, создавая дополнительную нагрузку [4]. При этом финансирование строительства спортивных объектов идет за счет госсредств, поскольку частные инвесторы неохотно вкладывают средства в многочисленные убыточные объекты [5].

В этом плане Ванкувер и Лондон имели самые низкие доли недостаточно используемой инфраструктуры. Как правило, неспортивная инфраструктура, недвижимость, транспорт были полностью востребованы среди населения после проведения мундиаля. Большинство новых спортивных объектов в этих двух городах также востребованы, но остаются субсидируемыми, что сопряжено с большими затратами (Олимпийский стадион в Лондоне) [11].

Сочи представляет собой почти полную противоположность. Были реализованы проекты, которые практически не востребованы в повседневной жизни. Например, самый дорогой проект — комбинированное автомобильно-железнодорожное сообщение от моря до гор на сумму более 10 млрд долл. — практически не предусматривает использование железнодорожной линии — всего шесть поездов в день в каждом направлении. Большую часть года гостиничные мощности используются не полностью, что привело к тому, что некоторые новые отели прекратили работу всего лишь через один год после проведения Олимпийских игр [38]. Самым востребованным объектом, построенным в рамках подготовки к Олимпиаде в Сочи, является горнолыжный курорт «Роза-Хутор», который изначально рассматривался как маркетинговый ход — благодаря Олимпиаде горнолыжный курорт мирового уровня должен был привлечь потоки туристов.

Строительство 4- и 5-звездочных гостиниц в Рио-де-Жанейро также было неэффективно ввиду невостребованности после проведения мундиаля. Кроме того, некоторые виды спорта не практикуются в Бразилии (велоспорт на треке, каноэ, теннис), поэтому спортивные объекты, предназначенные под эти виды спорта, также оказались не востребованными. Инфраструктура для проведения Чемпионатов мира по футболу в Бразилии и Южной Африке также не пользуется спросом в силу большой вместимости стадионов.

В рамках подготовки к Чемпионату Европы по футболу в 2012 г. в Польше было построено или реконструировано несколько спортивных сооружений, в том числе: Национальный стадион (Варшава), PGE Arena (Гданьск), городской стадион (Вроцлав), городской стадион (Познань). Однако после завершения Чемпионата и по настоящее время эти мероприятия проходят, главным образом, на Национальном стадионе в Варшаве и стадионе Энерга в Гданьске [9].

Заключение

Среди рассмотренных выше случаев можно выделить некоторые особенности и закономерности. Распределение ресурсов, определение направлений для инвестирования, привлечение общественности для обсуждения градостроительных планов зависят во многом от характера управления в стране. Так, в странах с демократическим управлением, например, в Канаде и Великобритании, объем ресурсов не был столь масштабным, как в Бразилии и России, а общественность не только привлекалась к обсуждению, но даже влияла на уже принятые правовые исключения (например, в Канаде общественность добилась отмены некоторых ограничений конституционных прав). Реконструкции больше подвергались уже существующие районы, встраивая планы по подготовке в общую градостроительную стратегию. В Бразилии, Южной Африке, России спортивные объекты строились с нуля, преимущественно на свободных территориях.

Также стоит отметить, что движущим фактором для развития принимающего региона являются не столько требования МОК и FIFA, сколько интерес политических элит, поскольку большая часть планирования и развития городских мероприятий осуществлялась местными организационными комитетами, которые поддерживают связь как с FIFA и МОК, так и с международными федерациями, в отношении требований к спорту, СМИ и объектам гостеприимства. FIFA и МОК выражают беспокойство по поводу отсутствия у них полномочий ограничивать расходы на местном уровне, в то время как их возможность вмешиваться может быть ограничена политическими, культурными и организационными обстоятельствами.

Мегасобытия в менее демократичных принимающих странах с более сильной ролью государства в экономике (Россия, Бразилия, Южная Африка) имели более негативные последствия: нерациональное использование средств, востребованность спортивных объектов после проведения мундиала. Напротив, для стран с демократическим правлением последствия мегасобытий оказались минимальны: они с меньшей вероятностью испытывали жесткое исключение и массовое переселение граждан, лучше использовали мегасобытие в качестве катализатора развития и обеспечивали адекватное использование инфраструктуры после событий. Эти страны использовали систему сдержек и противовесов, которая устанавливала общественную ответственность организаторов мегасобытий и смягчала негативные последствия от событий.

Таким образом, влияние мегасобытий на развитие городов разнообразно и в основном смягчается политическим и экономическим контекстом городов. Этот вывод важен, поскольку формальные требования к проведению мегамероприятий остаются неизменными от события к событию, что предполагает более единообразные воздействия. Поэтому в силу разного воздействия мегасобытий на принимающие регионы или страны, результаты анализа такого влияния следует обобщать с осторожностью. Наибольшие различия можно обнаружить между событиями, проводимыми в менее демократичных, более управляемых государством странах и в странах с более демократичной и рыночной экономикой.

Литература / References

1. *Agamben G.* State of exception. Chicago, IL : University of Chicago Press, 2005.
2. *Alegi P.* «A nation to be reckoned with»: The politics of world cup stadium construction in Cape Town and Durban, South Africa // *African Studies*. 2008. 67. P. 397–422.
3. *Allen J., Cochrane A.* The urban unbound: London's politics and the 2012 Olympic Games // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2014. 38. P. 1609–1624.
4. *Alm J., Solberg H. A., Storm R. K., and Jakobsen T. G.* Hosting major sports events: The challenge of taming white elephants // *Leisure Studies*. 2014. 35. P. 564–582.

5. Almeida B. S. de, Bolsmann C. Júnior, Wanderley M., Souza J. de. Rationales, rhetoric and realities: FIFA's World Cup in South Africa 2010 and Brazil 2014 // *International Review for the Sociology of Sport*. 2013. 50 (3). P. 265–282.
6. Alves dos Santos Junior O., Gaffney C., de Queiroz Ribeiro L. C. (Eds.). *Brasil: os Impactos da copa do mundo 2014 e das Olimpíadas 2016* [Brazil: the impacts of the 2014 World Cup and 2016 Olympics]. Rio de Janeiro, Brazil : Letra Capital Editora, 2015.
7. Andranovich G., Burbank M. J. Contextualizing Olympic legacies // *Urban Geography*. 2011. 32(6). P. 823–844.
8. Black D. The symbolic politics of sport mega-events: 2010 in comparative perspective // *Politikon*. 2007. 34. P. 261–276.
9. Borowski J., Boratyn'ski J., Czerniak A. et al. Assessing the impact of the 2012 European Football Championships on the Polish economy // *International Journal of Sport Management and Marketing*. 2013. 13 (1/2). P. 74–103.
10. Burbank M., Andranovich G., Heying C. H. *Olympic dreams: The impact of mega-events on local politics*. Boulder, CO : Lynne Rienner, 2001.
11. Clark R. London's real Olympic legacy: Paying to build the stadium twice // *The Spectator*. 2014. November 22 [Electronic resource] . URL: <https://www.spectator.co.uk/2014/11/londons-real-olympic-legacy-paying-to-build-the-stadium-twice/> (date of access: 26/11/2018).
12. Coaffee J. The uneven geographies of the Olympic carceral: From exceptionalism to normalization // *The Geographical Journal*. 2015. 181. P. 199–211.
13. Comitê Popular. *Olimpíada Rio 2016: os jogos da exclusão*. [The 2016 Rio Olympics: the exclusion games]. Rio de Janeiro, Brazil : Comitê Popular da Copa e Olimpíadas do Rio de Janeiro, 2015.
14. Cook I. R., Ward K. Trans-urban networks of learning, mega events and policy tourism: The case of Manchester's Commonwealth and Olympic Games projects // *Urban Studies*. 2015. 48. P. 2519–2535.
15. Cornelissen S. The geopolitics of global aspiration: Sport mega-events and emerging powers // *The International Journal of the History of Sport*. 2010. 27 (16–18). P. 3008–3025.
16. Flyvbjerg B., Stewart A. Olympic proportions: Cost and cost overrun at the Olympics 1960–2012 // *Said Business School Working Paper*. 2012 [Electronic resource]. URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=223805 (date of access: 26/11/2018)..
17. Freeman J. Neoliberal accumulation strategies and the visible hand of police pacification in Rio de Janeiro // *Revista de Estudos Universitários* 2012. 38. P. 95–126.
18. Gaffney C. Mega-events and socio-spatial dynamics in Rio de Janeiro, 1919–2016 // *Journal of Latin American Geography*. 2010. 9 (1). P. 7–29.
19. Gaffney C. The urban impacts of the 2014 World Cup in Brazil. In R. Gruneau & J. Horne (Eds.), *Mega events and globalization: Capital, cultures and spectacle in a changing world order* (p. 167–185). Abingdon, UK: Routledge, 2015.
20. Gold J. R., Gold M. M. (eds.). *Olympic cities: City agendas, planning, and the world's games, 1896–2020* (3rd ed.). London, England : Routledge, 2016.
21. Golubchikov O., Badyina A., Makhrova A. The hybrid spatialities of transition: Capitalism, legacy and uneven urban economic restructuring // *Urban Studies*. 2014. 51. P. 617–633.
22. Haferburg C. South Africa under FIFA's reign: The World Cup's contribution to urban development // *Development Southern Africa*. 2011. 28. P. 333–348.
23. Harvey D. From managerialism to entrepreneurialism: The transformation of urban governance in late capitalism // *Geografiska Annaler B*. 1989. 71 (1). P. 3–17.
24. Hiller H. The urban transformation of a landmark event: The 1988 Calgary Winter Olympics // *Urban Affairs Quarterly*. 1990. 26. P. 118–137.
25. International Olympic Committee (IOC). *Olympic legacy*. Lausanne, Switzerland : Author, 2012.
26. James M., Osborn G. London 2012 and the impact of the UK's Olympic and paraolympic legislation: Protecting commerce or preserving culture? // *The Modern Law Review*. 2011. 74. P. 410–429.
27. Jennings W. *Olympic risks*. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan, 2012.
28. Jones J. Legal tremors in the lead-up to Vancouver's 2010 winter Olympic Games // 2010. February 26 [Electronic resource]. URL: <http://www.vcn.bc.ca/~jjones/legaltremors.html> (date of access: 26/11/2018).
29. Kassens-Noor E. *Planning Olympic legacies: Transport dreams and urban realities*. London, England : Routledge, 2012.
30. Kassens-Noor E. Transport legacy of the Olympic Games, 1992–2012 // *Journal of Urban Affairs*. 2013. 35 (4). P. 393–416.

31. *Kinossian N.* 'Urban entrepreneurialism' in the post-socialist city: Government-led urban development projects in Kazan, Russia // *International Planning Studies*. 2012. 17 (4). P. 333–352.
32. *Lauermann J., Davidson M.* Negotiating particularity in neoliberalism studies: Tracing development strategies across neoliberal urban governance projects // *Antipode*. 2013. 45. P. 1277–1297.
33. *Maharaj B.* 2010 FIFA World CupTM: (South) «Africa's time has come»? // *South African Geographical Journal*. 2011. 93. P. 49–62.
34. *Maharaj B.* The turn of the south? Social and economic impacts of mega-events in India, Brazil and South Africa // *Local Economy*. 2015. 30. P. 983–999.
35. *Makarychev A., Yatsyk A.* Brands, cities and (post-) politics: A comparative analysis of urban strategies for the Universiade 2013 and the World Football Cup 2018 in Russia // *European Urban and Regional Studies*. 2014. 22. P. 143–160.
36. *McCallum K., Spencer A., Wylie E.* The city as an image-creation machine: A critical analysis of Vancouver's Olympic bid // *Yearbook of the Association of Pacific Coast Geographers*. 2005. 67. P. 24–46.
37. *Müller M.* State dirigisme in megaprojects: Governing the 2014 Winter Olympics in Sochi // *Environment and Planning A*. 2011. 43. P. 2091–2108.
38. *Müller M.* After Sochi 2014: Costs and impacts of Russia's Olympic Games // *Eurasian Geography and Economics*. 2014. 55. P. 628–655.
39. *Müller M.* (Im-)Mobile policies: Why sustainability went wrong in the 2014 Olympics in Sochi // *European Urban and Regional Studies*. 2015. 22. P. 191–209.
40. *Newman P.* «Back the bid»: The 2012 summer Olympics and the governance of London // *Journal of Urban Affairs*. 2007. 29. P. 255–267.
41. *Persson E., Petersson B.* Political mythmaking and the 2014 Winter Olympics in Sochi: Olympism and the Russian great power myth // *East European Politics*. 2014. 30 (2). P. 192–209.
42. *Poynter G.* The 2012 Olympic Games and the reshaping of East London. In R. Imrie, L. Lees, M. Raco (eds.), *Regenerating London. Governance, sustainability and community in a global city* (p. 132–150). London, England : Routledge, 2009.
43. *Poynter G., MacRury I. (eds.)*. Olympic cities: 2012 and the remaking of London. London : Ashgate, 2009.
44. *Preuss H.* Calculating the regional economic impact of the Olympic Games // *European Sport Management Quarterly*. 2004. 4 (4). P. 234–253.
45. *Raco M., Tunney E.* Visibilities and invisibilities in urban development: Small business communities and the London Olympics 2012 // *Urban Studies*. 2010. 47. P. 2069–2091.
46. *Raco M.* Delivering flagship projects in an era of regulatory capitalism: State-led privatization and the London Olympics 2012 // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2014. 38. P. 176–197.
47. *Scherer J.* Olympic villages and large-scale urban development: Crises of capitalism, deficits of democracy? // *Sociology*. 2011. 45. P. 782–797.
48. *Siemiatycki M.* Implications of private-public partnerships on the development of urban public transit infrastructure the case of Vancouver, Canada // *Journal of Planning Education and Research*. 2006. 26. P. 137–151.
49. *Silver J J., Meletis Z. A., Vadi P.* Complex context: Aboriginal participation in hosting the Vancouver 2010 Winter Olympic and Paralympic Games // *Leisure Studies*. 2012. 31. P. 291–308.
50. *Smith A.* «De-risking» East London: Olympic regeneration planning 2000–2012 // *European Planning Studies*. 2014. 22. P. 1919–1939.
51. *Steinbrink M., Haferburg C., Ley A.* Festivalisation and urban renewal in the global South: Socio-spatial consequences of the 2010 FIFA World Cup // *South African Geographical Journal*. 2011. 93. P. 15–28.
52. *Taal M.* Their cup runneth over: Construction companies and the 2010 World Cup. In E. Cottle (Ed.), *South Africa's World Cup: A legacy for whom?* (p. 73–100). Scottsville, South Africa: University of KwaZulu-Natal Press, 2011.
53. *Tang K.* The World Cup: Changing country's laws, one tournament at a time // *Berkeley Journal of International Law Blog*. 2013. October 26 [Electronic resource] . URL: <http://berkeleytravaux.com/world-cup-changing-countrys-laws-one-tournament-time> (date of access: 26/11/2018).
54. *Tomlinson R.* Whose accolades? An alternative perspective on motivations for hosting the Olympics // *Urban Forum*. 2010. 21 (2). P. 139–152.
55. *Van Wynsberghe R., Surborg B., Wylie E.* When the games come to town: Neoliberalism, mega-events and social inclusion in the Vancouver 2010 winter Olympic games // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2013. 37. P. 2074–2093.

56. *Watt P.* «It's not for us»: Regeneration, the 2012 Olympics and the gentrification of East London // *City*. 2013. 17. P. 99–118.
57. *Wurster S.* Homes for games: A filmic interpretation of Sochi 2014 and resettlement in Imeretinskaya Bay // *European Urban and Regional Studies*. 2015. 22. P. 210–217.
58. *Zimbalist A.* Circus maximus: The economic gamble behind hosting the Olympics and the World Cup. Washington, DC : Brookings Institution Press, 2015.
59. *Zirin D.* How the Rio Olympics could cement a Brazilian coup // *The Nation*. 2016. March 21 [Electronic resource]. URL: <https://www.thenation.com/article/how-the-rio-olympics-could-cement-a-brazilian-coup/> (date of access: 26/11/2018).

Об авторах:

Пospelova Екатерина Андреевна, старший научный сотрудник Лаборатории структурных исследований Института прикладных экономических исследований РАНХиГС (Москва, Российская Федерация), кандидат политических наук; pospelova@iep.ru

Казакова Мария Владимировна, заместитель заведующего Лабораторией макроэкономических исследований Института прикладных экономических исследований РАНХиГС, заместитель заведующего Международной лабораторией изучения бюджетной устойчивости научного направления «Макроэкономика и финансы» Института Гайдара (Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара, Москва, Российская Федерация), кандидат экономических наук; kazakova@ranepa.ru, kazakova@iep.ru

About the authors:

Ekaterina A. Pospelova, Senior Researcher of the Laboratory of Structural Researches of the Institute of Applied Economic Researches of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public administration (Moscow, Russian Federation), PhD in Political Sciences; pospelova@iep.ru

Maria V. Kazakova, Deputy Head of the Laboratory of Macroeconomic Researches of the Institute of Applied Economic Researches of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public administration, Deputy Head of the International Laboratory of Studying of the budgetary stability of the scientific direction "Macroeconomic and Finance" of Institute of Gaidar (Institute of Economic Policy of E.T. Gaidar, Moscow, Russian Federation), PhD in Economics; kazakova@ranepa.ru, kazakova@iep.ru